

В. А. Томсинов

**Конституционный вопрос
в первые месяцы правления
императора Александра III.
К. П. Победоносцев
ПРОТИВ
М. Т. Лорис-Меликова**

Опубликовано в издании:

Томсинов В. А.

**Конституционный вопрос в России
в 60-е – начале 80-х годов XIX века.**

М.: Зерцало, 2012. С. 157–185.

(Серия «Великие реформы»).

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Конституционный вопрос в первые месяцы правления императора Александра III. К. П. Победоносцев против М. Т. Лорис-Меликова

§ 1. Восшествие на императорский престол Александра III. Совещание 8 марта 1881 года

Вступление на российский престол нового императора, как и в прежних подобных случаях, сопровождалось изданием соответствующего Манифеста¹ и актов о принесении присяги. Новым было в этот раз высочайшее повеление привести к присяге также крестьян. В изданном по этому поводу 1 марта 1881 года Именном указе было отмечено, что Манифестом 19 февраля 1861 года император Александр II, «освободив крестьян от крепостной зависимости, предоставил им права свободных сельских обывателей». С распространением же, «согласно сему Манифесту и дополнительным к оному законоположениям, на крестьян действия общих законов» они подлежали, как и другие свободные подданные, приведению к присяге в верности государю Александру III и его наследнику, цесаревичу и великому князю Николаю Александровичу². Данный указ стал, пожалуй, первым признаком начала в России новой эпохи.

---

¹ См.: Манифест от 1 марта 1881 г. «О восшествии Его Императорского величества, Государя Императора Александра Александровича на Прародительский Престол Всероссийской Империи и на нераздельные с ним Престола: Царства Польского и Великого Княжества Финляндского» // 3-ПСЗРИ. Том 1. № 1. С. 1.

² 3-ПСЗРИ. Том 1. № 2. С. 1–2.

Сановники знали, что при Александре III в России будет все по-новому. Вечером 1 марта нового императора посетил его наставник К. П. Победоносцев. По свидетельству Е. М. Феокистова, занимавшего в то время пост главного редактора «Журнала Министерства народного просвещения», Константин Петрович «умолял государя уволить Лорис-Меликова»¹. Но Михаил Тариелович и сам понимал, что его отставка дело лишь времени, причем весьма близкого. Рокковое событие 1 марта показало, что доклады, в которых он уверял Александра II об успехах борьбы с заговорщиками, оказались ложью.

Сразу после кончины Александра II министр внутренних дел пошел к новому государю и спросил «должен ли он следовать указаниям, данным ему покойным императором по вопросу об опубликовании правительственного сообщения на следующий день, 2 марта»². Это была еще одна ложь: Александр II не давал указания насчет публикации правительственного сообщения о подготовке закона, приводящего в исполнение предложения о привлечении общественных представителей к законосовещательной деятельности. Его величество намеревался сначала обсудить текст данного сообщения на заседании Комитета министров 4 марта, и Лорис-Меликов знал об этом. Но Александру III это отцовское намерение не было еще известно. Поэтому он ответил министру: «Ничего не меняй в приказах моего отца, пусть это будет его завещанием...»³ Михаил Тариелович быстро направился в типографию «Правительственного вестника» и приказал напечатать составленный им проект сообщения в номере, выходящем 2 марта. Однако к ночи Александр III разобрался в ситуации и отдал приказ Лорис-Меликову остановить его публикацию.

Заседание Совета министров, которое Александр II назначил на 4 марта, новый император перенес на 8 марта. Он не спешил увольнять либерально настроенных сановников своего отца, желая сначала разобраться в хитросплетениях интриги, затеянной министром внутренних дел.

¹ Феокистов Е. М. За кулисами политики и литературы (1848–1896). Л., 1929. С. 198.

² Цит. по: Дронов И. Е. Сильный, державный: Жизнь и царствование Александра III. С. 331.

³ Цит. по: Там же.

* * *

8 марта 1881 года в 2 часа 15 минут пополудни в Зимнем дворце открылось заседание Совета министров, созванного Александром III специального для обсуждения доклада Особого совещания сановников о предложениях М. Т. Лорис-Меликова. Оно продолжалось два с половиной часа. Для участия в нем были приглашены, помимо министров, трое великих князей: Константин и Михаил Николаевичи и Владимир Александрович, а также обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев, и генерал-адъютанты С. Г. Строганов и Э. Т. Баранов. Председательствовал на заседании сам государь. Любопытно, что Константин Петрович Победоносцев и Сергей Григорьевич Строганов являлись в свое время наставниками великого князя Александра Александровича. Став императором, его величество сохранял к ним огромное уважение и всегда прислушивался к мнениям, которые они высказывали.

После того как все сановники уселись за длинный стол, государь объявил повестку заседания и предложил министру внутренних дел зачитать текст доклада, записанный в журнале Особого совещания и одобренный 17 февраля 1881 года покойным императором. Большинство присутствовавших на этом заседании поначалу отнеслись к новому обсуждению предложений М. Т. Лорис-Меликова как к простой формальности: ведь они получили одобрение Александра II, а новый император незадолго до своего вступления на престол подписал постановление совещания, в котором предлагались конкретные меры для приведения указанных предложений в исполнение. При таких обстоятельствах, казалось, что Александр не может не подтвердить прежнего их одобрения. Однако результат заседания получился не таким, каким ожидался многими его участниками.

Граф Лорис-Меликов допустил явную ошибку, согласившись зачитать журнал, в котором приводились оценки внутривластной ситуации в России, которые давались им в конце января 1881 года. После дерзкого покушения террористов на жизнь Александра II говорить о том, что предпринятые министром внутренних дел меры «оказали и оказывают благотворное влияние на общество в смысле успокоения тревожного состояния оно»¹, было в высшей степени

¹ Журнал Особого совещания, созванного для обсуждения законопроекта М. Т. Лорис-Меликова // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. С. 649.

неуместно¹. Представлять предложения о реформе государственного строя в докладе с такими фразами означало заранее обречь их на неприятие. Поручив Лорис-Меликову зачитать публично этот доклад, Александр III тем самым преопределил ход его обсуждения.

Когда министр внутренних дел завершил чтение, государь обратился к присутствовавшим на заседании сановникам с просьбой высказаться по поводу доклада «вполне правдиво, ничем не стесняясь и даже не считая дела *по существу* предрешенным»². Слово тут же взял граф Строганов, как самый старший из них³. «Предполагаемая вами мера, — сказал Сергей Григорьевич, обращаясь к Александру III, — по моему мнению, не только несвоевременна при настоящих обстоятельствах, требующих особой энергии со стороны правительства, но и вредная. Мера эта вредна потому, что с принятием ее власть перейдет из рук самодержавного монарха, который теперь для России, безусловно, необходим, в руки разных шалопаев, думающих не о пользе общей, а только о своей личной выгоде». Кульминацией резкого выступления С. Г. Строганова против предложений о введении в России народного представительства были его слова: «Путь этот ведет прямо к конституции, которой я не желаю ни для вас, ни для России»⁴. «Я тоже опасаясь, что это первый шаг к конституции», — заявил в ответ на эти слова император.

После графа Строганова слово было предоставлено графу П. А. Валуеву, который поддержал предложения Лорис-Меликова. По свидетельству Е. А. Перетца, Петр Александрович сказал: «Я давнишний автор — могу сказать, ветеран рассматриваемого положения. Оно сделано было мною, в несколько иной только форме, в 1863 году, во время польского восстания, и имело, между прочим, привлечь на сторону правительства всех благомыслящих людей... Я не изменю своих

¹ Присутствовавший на заседании Совета министров Председатель Комитета министров П. А. Валуев записал 8 марта в свой дневник: «Заседание началось с чтения журнала особого Совещания и проекта публикации. Непостижимо для меня и для оценки государственных способностей графа Лорис-Меликова достаточно, что он допустил чтение журнала и даже сам читал его. Те первые страницы самовосхваления, о которых, кажется, я уже упоминал, звучали убийственно в нашем между-панихидном заседании» (*Валуев П. А. Дневник 1877–1884*. Пг., 1919. С. 151).

² Там же.

³ С. Г. Строганов родился 8 ноября 1794 г. — следовательно, ему шел в то время 87-й год.

⁴ Цит. по: Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря, 1880–1883 гг. / С предисловием А. Е. Преснякова. М.-Л., 1927. С. 32–33.

убеждений и теперь. Напротив того, я нахожу, что при настоящих обстоятельствах предполагаемая нами мера оказывается в особенности настоятельной и необходимой»¹. Сам П. А. Валуев, описывая в дневнике рассматриваемое заседание Совета министров, ничего конкретного о содержании собственной речи не сообщил, но лишь заметил, что изложил свое отношение к делу «довольно подробно, в неразрывной связи 1881 года с 1880, 1879 и 1863-ми». При этом председатель Комитета министров признался, что ему «было весьма неприятно высказываться в данный момент подробно и категорично» и что поступил он так только потому, что чувствовал обязанность говорить «личную правду»².

Поддержал предложения М. Т. Лорис-Меликова о привлечении представителей общества к законосовещательной деятельности и военный министр граф Д. А. Милютин. Пересказывая в дневнике свою речь, Дмитрий Алексеевич отметил, что «находя невозможным входить в обсуждение дела по существу», он «высказал лишь убеждение в необходимости новых законодательных мер для довершения оставшихся недоконченными великих реформ почившего императора». В качестве аргумента в пользу привлечения общественных представителей к обсуждению государственных преобразований, Милютин привел тот факт, что «почти все прежние реформы разрабатывались также с участием представителей местных интересов, и никаких неудобств от того не замечалось». В заключение своего выступления военный министр констатировал, что «в настоящий момент более чем когда-либо своевременно возвестить предположенную программу законодательной деятельности, вслед за сделанным заявлением о направлении международной политики». По его словам, «заявление это уже произвело весьма благоприятное впечатление в Европе; теперь Россия ждет такого же благотворного воззвания царской воли по внутреннему благоустройству государства. Оставить это ожидание неудовлетворенным гораздо опаснее, чем предложенный призыв к совету земских людей»³.

¹ Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря, 1880–1883 гг. С. 34.

² Валуев П. А. Дневник 1877–1884. С. 152. Д. А. Милютин, рассказывая в своем дневнике о заседании 8 марта, сообщил, что П. А. Валуев «произнес красноречивую речь, конечно, в пользу обсуждаемых предположений. Как участник бывшей секретной комиссии, не мог он говорить иначе» (Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881 / Под ред. Л. Г. Захаровой. М., 2010. С. 281).

³ Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. С. 281.

Выражая поддержку плану привлечения общественных представителей к законосовещательной деятельности, и П. А. Валуев, и Д. А. Милютин старались в то же самое время убедить Александра III в том, что данный план совсем не ведет Россию к конституционному правлению. «Предполагаемая мера далека очень от конституции», — утверждал председатель Комитета министров. «Не о конституции идет у нас теперь речь. Нет ее и тени», — заявлял военный министр. Однако противников введения в России народного представительства эти декларации не успокоили. За Д. А. Милютиным выступил министр почт и телеграфов Л. С. Маков. Не скрывая своего возмущения позицией выступивших перед ним сановников, он взволнованно произнес: «Еще не прошло и недели, как я присягал быть верным государю *самодержавному*. В прочитанном же проекте принцип самодержавия попирается ногами...»¹ Намекнув, что предложения Лорис-Меликова ведут к ограничению самодержавия, Лев Савич тем не менее закончил свою речь в примирительном тоне и призвал подвергнуть план привлечения общественных представителей к законосовещательной деятельности зрелому и осторожному обсуждению во всех его деталях.

Следующим взял слово министр финансов А. А. Абаза. Он отверг мнение Л. С. Макова о том, что участие представителей общества в государственной деятельности является ограничением самодержавия, объяснив, что, напротив, оно «укрепит и поддержит авторитет правительства»². После речи А. А. Абазы выступил министр путей сообщения К. Н. Посьет. Проект привлечения общественных представителей к осуждению законов был назван им несвоевременным.

Заседание Совета министров стало походить на театральную постановку: речи сторонников предложений М. Т. Лорис-Меликова сменяли выступления их противников. Министры произносили монологи, которыми скорее лишь обозначали свое отношение к плану введения общественного представительства, нежели убеждали кого-либо в своей правоте. Так продолжалось до того момента, пока не заговорил К. П. Победоносцев. Его речь окончательно определила ход обсуждения этого плана. О том, что она была главной на заседании Совета министров, состоявшемся 8 марта 1881 года, свидетельствуют все его участники, оставившие записи о нем в своих дневниках или мемуарах. «Обер-прокурор Синода сказал невозможную речь, в ко-

¹ Цит. по: Дронов И. Е. Сильный, державный: Жизнь и царствование Александра III. М., 2006. С. 338.

² Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. С. 283.

торой назвал все предложенное и все европейское (sic) — величайшей фальшью»¹, — отметил в своей дневниковой записи П. А. Валуев. Д. А. Милютин выразил в своем дневнике такое же мнение, но в более подробном виде. Написав, что все, сказанное на этом заседании С. Г. Строгановым, Л. С. Маковым и К. Н. Посъетом, «было бледно и ничтожно сравнительно с длинною иезуитскою речью, произнесенною Победоносцевым: это было уже не одно опровержение предложенных ныне мер, а прямое, огульное порицание всего, что было совершено в прошлое царствование; он осмелился назвать великие реформы императора Александра II преступною ошибкой! Речь Победоносцева, произнесенная с риторическим пафосом, казалась отголоском туманных теорий славянофильских; это было отрицание всего, что составляет основу европейской цивилизации»².

Из этих оценок видно, что Победоносцев предстал на рассматриваемом заседании Совета министров в качестве идеолога — выразителя особого политического и правового мировоззрения, отличающегося своим глубинным смыслом от мировоззрения западноевропейского типа. Его речь, записанная государственным секретарем Егором Абрамовичем Перетцем, подтверждает этот вывод: обер-прокурор Святейшего Синода противопоставил предложениям о введении в России общественного представительства не отдельные аргументы, но понимание этого института как явления, имеющего свои пороки — причем такие, которые способны нивелировать все его достоинства. Более того, он показал, что в условиях России общественное представительство может стать орудием разрушения государства и общества.

Начиная свое выступление, Победоносцев первыми же словами дал понять, что будет говорить не просто о каком-то нововведении в государственный строй России, но о величайшей опасности, угрожающей существованию самого государства. «Ваше величество, по долгу присяги и совести, я обязан высказать Вам все, что у меня на душе. Я нахожусь не только в смущении, но и в отчаянии. Как и в прежние времена перед гибелью Польши говорили: „Finis Poloniae“, так теперь едва ли не приходится сказать: „Finis Russiae“. При соображении проекта, предлагаемого на утверждение Ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью»³.

¹ Валуев П. А. Дневник 1877–1884. С. 152.

² Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. С. 283.

³ Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря, 1880–1883 гг. С. 38.

Дальнейшее содержание речи Победоносцева было посвящено разоблачению этой фальши. «Нам говорят, — продолжал он, — что для лучшей разработки законодательных проектов нужно приглашать людей, знающих народную жизнь, нужно выслушивать экспертов. Против этого я ничего не сказал бы, если б хотели сделать только это. Эксперты вызывались и в прежние времена, но не так, как предлагается теперь». Обер-прокурор обращал внимание императора и членов Совета министров на то, что обсуждаемый план исходит из ложного представления о представителях как о выразителях мнения страны, тогда как в действительности представители, если и будут что выражать, то лишь «свое личное мнение и взгляды». «Правительство, — напоминал Победоносцев, — должно радеть о народе, оно должно познать действительные его нужды, должно помогать ему справляться с безысходною часто нуждою. Вот удел, к достижению которого нужно стремиться, вот истинная задача нового царствования». Однако представительство, утверждал он, скорее превратится в обыкновенную говорильню, чем в эффективный институт, способствующий удовлетворению народных интересов. Это свое мнение Константин Петрович выводил из опыта реформ, которые были осуществлены в царствование Александра II. «Благодаря пустым болтунам, что сделалось с высокими предначертаниями покойного незабвенного государя, принявшего под конец своего царствования мученический венец? К чему привела великая святая мысль освобождения крестьян?» — вопрошал он и тут же давал ответ: «К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться в работе, а потому стал несчастною жертвою целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков. Затем открыты были земские и городские общественные учреждения, — говорильни, в которых не занимаются действительным делом, а разглагольствуют вкривь и вкось о самых важных государственных вопросах, вовсе не подлежащих ведению говорящих. И кто же разглагольствует, кто орудует в этих говорильнях? Люди негодные, безнравственные, между которыми видное положение занимают люди, не живущие со своим семейством, предающиеся разврату, помышляющие лишь о личной выгоде, ищущие популярности и вносящие во все всякую смуту».

Подобные пороки обер-прокурор Святейшего Синода усматривал и в новых судебных учреждениях. Они так же, как и земства, превра-

тились, по его мнению, в «новые говорильни, говорильни адвокатов, благодаря которым самые ужасные преступления, — несомненные убийства и другие тяжкие злодейства, — остаются безнаказанными»¹.

В своей речи Победоносцев подверг уничтожающей и не обосновательной критике почти все реформы царствования Александра II. Многие из того, что он говорил, не имело прямого отношения к предложениям М. Т. Лорис-Меликова, которые были главным предметом обсуждения на рассматриваемом заседании Совета министров. Но своей критикой указанных реформ Константин Петрович внушал императору и сановникам мысль о том, что непродуманные, неподготовленные нововведения несут в себе всегда больше пороков и бедствий, нежели достоинств и благих последствий для общества.

После выступления Победоносцева свое мнение о введении общественного представительства высказали: князь председатель департамента законов Государственного совета С. Н. Урусов, министр юстиции Д. Н. Набоков, министр народного просвещения А. А. Сабуров, государственный контролер Д. М. Сольский, министр государственных имуществ князь А. А. Ливен. Все они поддержали план привлечения общественных представителей к законосовещательной деятельности, приведя массу дополнительных аргументов в пользу этого нововведения². В конце заседания слово взяли великие князья. Его высочество Константин Николаевич выступил, естественно, без всяких оговорок в пользу обсуждавшегося плана. Михаил Николаевич и Владимир Александрович призвали императора «сделать что-нибудь, не оставлять Россию в недоумении»³.

Несмотря на то, что явное большинство участников заседания поддержало предложения М. Т. Лорис-Меликова, Александр III не дал им своего утверждения, но объявил о необходимости снова подвергнуть их обсуждению в рамках особого немногочисленного совещания.

Вечером 8 марта. Д. А. Милютин записал в свой дневник: «Такой исход дела показался нам довольно успокоительным после испугавшей нас громовой речи Победоносцева. Тем не менее мы

¹ Дневник Е. А. Перетца, государственного секретаря, 1880–1883 гг. С. 39–40.

² Так, например, Д. М. Сольский заявил в своем выступлении, что «армия чиновников составляет менее твердую опору самодержавия, чем представители всех сословий населения» (Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. С. 283).

³ Там же. С. 284.

вышли из зала совещания в угнетенном настроении духа и нервном раздражении»¹.

Ни Милютин, ни Валуев, никто из участников состоявшегося в указанный день заседания Совета министров не знали, что за два дня до его проведения — 6 марта 1881 года — Александр III получил от Победоносцева письмо, в котором Константин Петрович советовал своему ученику отказаться от проведения либеральных реформ. Он писал, в частности: «Если будут Вам петь прежние песни сирены о том, что надо успокоиться, надо продолжать в либеральном направлении, надобно уступить так называемому общественному мнению, — о, ради Бога, не верьте, Ваше Величество, не слушайте. Это будет гибель, гибель России и Ваша: это ясно для меня, как день. Безопасность Ваша этим не оградится, а еще уменьшится. Безумные злодеи, погубившие родителя Вашего, не удовлетворятся никакой уступкой и только рас-swирепеют. Их можно унять, злое семя можно вырвать только борьбой с ними на живот и на смерть, железом и кровью. Хотя бы погибнуть в борьбе, лишь бы победить. Победить нетрудно: до сих пор все хотели избегать борьбы и обманывали покойного государя, вас, самих себя, всех и все на свете, потому что то были не люди разума, силы и сердца, а дряблые евнухи и фокусники. Нет, Ваше Величество: один только и есть верный, прямой путь — встать на ноги и начать, не засыпая ни на минуту, борьбу, самую святую, какая только бывала в России. Весь народ ждет Вашего властного на это решения, и как только почует державную волю, все поднимется, все оживится, и в воздухе посвежает»².

После этих слов, призванных воодушевить молодого государя, только что взошедшего на престол, как на Голгофу, Победоносцев давал ему сугубо конкретный совет: «Простите мне мою правду. Не оставляйте графа Лорис-Меликова. Я не верю ему. Он фокусник и может еще играть в двойную игру. Если Вы отдадите себя в руки ему, он приведет Вас и Россию к гибели. Он умел только проводить либеральные проекты и вел игру внутренней интриги. Но в смысле государственном он сам не знает, чего хочет, — что я сам ему высказывал неоднократно. И он — не патриот русский. Берегитесь, ради Бога,

¹ Дневник генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютина. С. 285.

² Письма К. П. Победоносцева к Александру III. В 2-х томах. Том 1. М., 1925. С. 315–316.

Ваше Величество, чтоб он не завладел Вашей волей, и не упускайте времени»¹.

Эти советы Победоносцева его царственный ученик воспринял как руководство к действию. Участники состоявшегося 8 марта 1881 года заседания Совета удивлялись, почему Александр III пригласил на него престарелого С. Г. Строганова. Цитируемое письмо не оставляет сомнений — государь сделал это по рекомендации своего наставника. «Страх берет меня, — писал Константин Петрович его величеству, — что Вы одиноки и не на кого Вам опереться. Ради Бога, если бы Вы пожелали ближе поговорить о том, что я пишу, прикажите мне явиться, — я каждый час и каждую минуту на службе Вашей. Сам собою я теперь не вправе явиться к Вам. Позовите к себе старика *С. Гр. Строганова*: он человек правды, старый слуга Ваших предков, свидетель и деятель великих исторических событий. Он на краю гроба, но голова его свежа, и сердце его русское. Нет другого человека в России, с кем было бы благоприятнее Вам иметь совет в эту страшную минуту. Сегодня он приезжал ко мне, взволнованный, расстроенный, исполненный тревожной заботы об Вас и об России. Боже, Боже! Спаси нас!

Но мы люди Божии и должны *действовать*. Судьбы России на земле — в руках Вашего Величества. Благослови Боже Вам сказать слово правды и воли, и вокруг Вас соберется полк истинно русских, здоровых людей вести борьбу на жизнь и на смерть за благо, за всю будущность России»².

Конституционный вопрос, по поводу которого два десятилетия правления Александра II кипели страсти в его сановном окружении, приобретал в свете этого письма и произнесенной через два дня после его написания речи К. П. Победоносцева на заседании Совета министров новый смысл.

§ 2. Борьба вокруг проекта М. Т. Лорис-Меликова о введении в России общественного представительства

Обсуждение проекта привлечения общественных представителей к законосовещательной деятельности на заседании Совета мини-

¹ Письма К. П. Победоносцева к Александру III. В 2-х томах. Том 1. М., 1925. С. 316.

² Там же. С. 318.

стров 8 марта 1881 года показало, что он пользуется поддержкой целой группы влиятельных сановников, а именно: председателя Комитета министров *П. А. Валуева*, военного министра *Д. А. Милютина*, министра финансов *А. А. Абазы*, председателя департамента законов Государственного совета князя *С. Н. Урусова*, министра юстиции *Д. Н. Набокова*, министра народного просвещения *А. А. Сабурова*, государственного контролера *Д. М. Сольского*, министра государственных имуществ князя *А. А. Ливена*. В круг этих лиц входил и великий князь Константин Николаевич: его высочество не скрывал положительного отношения к предложениям Лорис-Меликова на всех совещаниях, на которых они обсуждались. Великие князья Михаил Николаевич и Владимир Александрович заняли нейтральную позицию.

Против введения в России каких-либо элементов представительного правления решительно выступили только пять участников заседания Совета министров 8 марта: генерал-адъютанты *С. Г. Строганов* и *Э. Т. Баранов*, обер-прокурор Святейшего Синода *К. П. Победоносцев*, министр почт и телеграфов *Л. С. Маков* и министр путей сообщения *К. Н. Посьет*.

Расхождение во взглядах на предлагаемое нововведение было вполне обычным явлением для России периода правления Александра II. Разработка проектов крестьянской, университетской, судебной, земской и других реформ 60–70-х годов XIX века сопровождалась острейшими спорами в сановном окружении императора. При этом всегда находились те, кто был предельно категоричен в их критике. Однако выступления противников предложенной *М. Т. Лорис-Меликовым* реформы на заседании Совета министров 8 марта 1881 года выходили за рамки обыкновенных критических высказываний. Данная реформа представлялась ими в качестве меры, таившей страшную угрозу для Российского государства, — меры, способной привести его к гибели.

Взгляд на реформу Лорис-Меликова как на шаг, ведущий Россию «к погибели», *К. П. Победоносцев* проводил и в своем письме императору Александру III, написанном за два дня до указанного заседания.

Между тем суть мер, предлагавшихся министром внутренних дел, заключалась всего лишь в привлечении общественных представителей к законосовещательной деятельности. Почему же это, весьма незначительное, нововведение встретило такую жесткую реакцию со стороны Победоносцева и некоторых других сановников? В чем виделась им угроза для Российского государства некоторого, весьма огра-

ниченного участия представителей общества в осуществлении законодательной власти?

Можно с уверенностью сказать, что не сама по себе реформа считалась в данном случае опасной для России, но те последствия, которые могли появиться в результате ее осуществления. М. Т. Лорис-Меликов смотрел на предложенную им реформу как на меру, которая должна была ознаменовать только первый шаг к сближению государственной власти с представителями от земства. Обращая внимание на это важное обстоятельство, современник К. П. Победоносцева русский общественный деятель и мыслитель Лев Александрович Тихомиров (1852–1923) писал: «Нетрудно понять, что действительно дальнейшие шаги неизбежны и быстро должны были последовать по созвании этих *выборных* земцев. Они явились бы поголовно из того слоя политиканов, который вел в это время земскую агитацию. Они выставили бы себя представителями „воли народа“ и, имея графа Лорис-Меликова около государя, стали бы фактически *выше* Государственного Совета, завоевывая себе значение настоящего парламента. Мы, очевидно, готовились войти в такую полосу внутренней смуты, исход которой при данных условиях трудно даже было предсказать»¹.

О том, что такой сценарий развития органов общественного представительства в России того времени был вполне реальным, свидетельствуют события, происходившие в целом ряде губерний после смерти Александра II. Удачное покушение террористов на особу императора породило в земствах мнение о том, что центральная власть ослабела, и поэтому для земцев настало время заявить о своих притязаниях на участие в управлении государством.

В марте 1881 года члены Земского союза, собравшиеся в Харькове, приняли программу развития всероссийского и местного общественного представительства, предусматривавшую создание в России двухпалатного парламента. Его нижнюю палату, названную Государственной думой, предполагалось составить из депутатов, избираемых всеобщим голосованием, а верхнюю — так называемую Союзную думу — из представителей областных собраний. Согласно этому проекту, обе думы, заседая одновременно, должны были принимать законы и утверждать государственный бюджет. Они получали правомочие делать запросы во все государственные органы и выражать доверие или недоверие отдельным министрам и правительству в целом.

¹ Тихомиров Л. А. Конституционалисты в эпоху 1881 года. 3-е пересмотренное издание. М., 1895. С. 73.

Подобную организацию государственной власти намечалось закрепить конституцией, по которой обязывался бы действовать и глава государства — император, и парламент. Все российские законы должны были соответствовать конституции. Решение вопроса об этом предлагалось возложить на кассационный суд¹.

8 марта 1881 года Самарское губернское собрание приняло постановление о том, чтобы послать к императору Александру III адрес с ходатайством о созыве избранных представителей народа. Выступивший на заседании этого собрания губернский гласный Нудатов высказал мысль о том, что только «свободно избранные представители всех сословий» могут предотвратить повторение трагического события 1 марта 1881 года. «Я уже стар, — заявил он, — и на склоне дней моих я люблю свою родину и желаю ей счастья и славы. Никто не заподозрит и не скажет, что я революционер. Но ради блага отечества, ради счастья детей наших, говорю вам, что смута, вот уже два года терзающая Русскую землю, может быть устранена только общими усилиями всех свободно избранных представителей народа. Только они могут обсудить меры, которые дали бы мир и спокойствие нашей несчастной родине»².

Завуалированный призыв к созданию всероссийского общественного представительства содержался и в адресе императору Александру III по поводу его манифеста о вступлении на престол, который был направлен в марте 1881 года Тверским земским собранием. В нем говорилось, что «в непосредственном единении земских людей и верховной власти русский царь и народ всегда приобретали могучую, неодолимую силу» и что «никакие, как частные, так и общие мероприятия или реформы не могут достигнуть целей, поставленных властью, без предварительного рассмотрения этих реформ выборными представителями всей русской земли»³.

Земское собрание Казанской губернии выражало в своем обращении к государю надежду на завершение великого дела обновления государства», начатого Александром II⁴. Черниговское губернское земское собрание в своем адресе Александру III заявляло, что истина самодержавной власти «сделается осязательнее и очевиднее для всего

¹ См.: Белокопский И. П. Земство и конституция. М., 1910. С. 22–23.

² Цит. по: Там же. С. 24; Тихомиров Л. А. Конституционалисты в эпоху 1881 года. С. 88.

³ Цит. по: Белокопский И. П. Земство и конституция. С. 24, 26.

⁴ Цит. по: Там же. С. 24.

нашего отечества, когда Ты, Государь, войдешь в непосредственное общение с землей через излюбленных людей ее»¹.

Постановления и обращения к императору Александру III, выражавшие идею о том, что только призыв общественных представителей к участию в управлении Российским государством может спасти его от новой смуты, были приняты земскими собраниями в целом ряде и других губерний: Новгородской, Рязанской, Таврической и т.д. Эта идея проводилась и в докладе М. Т. Лорис-Меликова от 28 января 1881 года, излагавшем проект привлечения представителей общества к законосовещательной деятельности.

В результате складывалась парадоксальная ситуация: *сторонники данной реформы считали ее средством спасения России от революции, противники же полагали, что именно она и приведет страну к революционной катастрофе*. При этом было очевидно, что решение вопроса о введении в систему государственной власти института общественного представительства всецело зависело от того, какую позицию займет Александр III.

На заседании Совета министров император не выразил своего отношения к обсуждавшемуся проекту министра внутренних дел. В ответ на предложение князя С. Н. Урусова возвратить его для нового рассмотрения в Комитете министров его величество заметил, что «можно его вновь обсудить и в каком-нибудь специальном совещании»². Но по свидетельству П. А. Валуева, «окончательного повеления о совещании и его составе не состоялось»³. Эту запись Петр Александрович сделал в своем дневнике 9 марта 1881 года. Спустя полтора года — 11 сентября 1882 года — он приписал к ней следующие слова: «Хотя государь и предоставил всем высказаться, сам не высказываясь, но явно было, что его личное мнение уже установилось на точке зрения Победоносцева, заранее объяснившегося и согласившегося с гр. Строгановым»⁴. Есть все основания утверждать, что Александр III действительно определился в своем отношении к проекту М. Т. Лорис-Меликова еще до его обсуждения 8 марта на заседании Совета министров и был о нем такого же мнения, каковое выразил на этом заседании обер-прокурор

¹ Цит. по: Белоконский И. П. Земство и конституция. С. 26.

² Валуев П. А. Дневник 1877–1884. Пг., 1919. С. 153.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 154.

Святейшего Синода. Но П. А. Валуев узнал или догадался об этом далеко не сразу.

Император Александр III вплоть до конца апреля не проявлял своей позиции в этом вопросе. Указом, изданным 16 марта 1881 года, он упразднил Министерство почт и телеграфов, отдав управление этой сферой министру внутренних дел. Вследствие такой меры в отставку с министерского поста был отправлен Л. С. Маков, являвшийся противником ограничения самодержавия какими-либо институтами общественного представительства. Опубликован был этот указ 18 марта. В тот же день до П. А. Валуева дошли слухи о скорой отставке М. Т. Лорис-Меликова с поста министра внутренних дел, но Петр Александрович не поверил им. 19 марта он занес в свой дневник следующую запись: «Вчера гр. Лорис-Меликов будто бы сказал представлявшемуся (по почтам) Перфильеву, что у него будет другой начальник. Кн. Урусов говорил мне также, что из лагеря Скальковских будто бы идет новый слух об уходе гр. Лорис-Меликова. Ничего не разберешь, и я никому и ничему не верю, но все невозможное признаю возможным»¹.

24 марта Александр III отправил в отставку с министерских постов А. А. Сабурова и А. А. Ливена. Оба выступили на заседании Совета министров 8 марта в поддержку проекта М. Т. Лорис-Меликова. Но П. А. Валуев не связывал их увольнение с поддержкой проекта введения в России общественного представительства. 19 марта он записал в дневник: «Возмездие расточается свыше. Маков поплатился за униатов; кн. Ливен — за порядочно гнусное себялюбие и — могу сказать — порядочно гнусную неблагодарность; Сабуров — за то, что при недалежном уме думал выехать на новых веяниях². Великий князь генерал-адмирал (Константин Николаевич. — В. Т.) также будет спущен на днях — сперва в отпуск, а там и радикально. Ему поде-

¹ Валуев П. А. Дневник 1877–1884. Пг., 1919. С. 156.

² Вместо А. А. Сабурова на пост министра народного просвещения был назначен барон А. И. Николаи. Данная замена была сделана новым императором не без влияния К. П. Победоносцева. На эту мысль наводит письмо Константина Петровича Александру III от 8 марта 1881 г. Ober-прокурор Святейшего Синода писал в нем помимо прочего: «Сабуров не может быть долее терпим на месте: это совсем тупой человек, и тупость его наделала много бед, и с каждым днем больше надевает. В приискании ему преемника было бы не так много затруднений. Из так называемых кандидатов всех серьезнее барон Николаи» (Письма Победоносцева к Александру III. В 2-х томах. Т. 1. М., 1925. С. 317). Как видим, оценка А. А. Сабурова П. А. Валуевым вполне совпадала с оценкой этого министра К. П. Победоносцевым.

лом — за разнovidное, по всем частям причиненное зло и за низость преклонения перед бессодержательным временщиком¹...»². 12 сентября 1882 года Петр Александрович добавил к этой записи следующее замечание: «В течение всего периода царствования, с 8 марта по 29 апреля, противоположные течения скрещивались около государя, и на первый взгляд могло казаться, что то одно, то другое брало верх»³. Из этих слов следует, что председатель Комитета министров вплоть до окончательной развязки конституционного вопроса не мог определить, какую позицию относительно него занимает новый император.

Все это означает, что Александр III, хотя и принял в первые же дни своего царствования решение отвергнуть проект введения в России общественного представительства, одобренный его отцом Александром II, более полутора месяцев тщательно скрывал истинное свое отношение к этой идее. Почему же он был так осторожен?

Думается, разгадку столь странного поведения Александра III в первые два месяца после вступления на престол следует искать в обстановке, которая сложилась в то время в Санкт-Петербурге. Конечно, общая ее картина не может быть восстановлена в сколько-нибудь полной мере. Навсегда останутся тайной многие важные обстоятельства заговора, приведшего к убийству Александра II, — его подлинные цели, истинные вдохновители и руководители, вовлеченность в него сановников из ближайшего окружения покойного императора. Однако отражения некоторых любопытных событий, происходивших в северной столице Российской империи в марте 1881 года, сохранились на страницах мемуаров, дневников и писем участников и современников тех событий.

§ 3. Письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к императору Александру III

10 марта 1881 года Исполнительный комитет «Народной воли» обратился к Александру III с ультимативным посланием. Его текст составил Л. А. Тихомиров, который являлся в то время членом Испол-

¹ Под временщиком подразумевается в данном случае М. Т. Лорис-Меликов.

² *Валуев П. А.* Дневник 1877–1884. С. 158.

³ Там же.

кома этой революционной организации. Отправив письмо государю¹, народовольцы позаботились о том, чтобы оно было распространено насколько возможно широко по России. В типографии «Народной воли» было отпечатано 13 тысяч листовок с его текстом.

«Ваше величество! — обращались революционеры к Александру III. — Вполне понимая то тягостное настроение, которое вы испытываете в настоящие минуты, исполнительный комитет не считает, однако, себя вправе поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, может быть, для нижеследующего объяснения выждать некоторое время. Есть нечто высшее, чем самые законные чувства человека: это долг перед родной страной, долг, которому гражданин принужден жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами других людей. Повинуясь этой всесильной обязанности, мы решаемся обратиться к вам немедленно, ничего не выжидая, так как не ждет тот исторический процесс, который грозит нам в будущем реками крови и самыми тяжелыми потрясениями»².

Далее в письме утверждалось и доказывалось, что убийство Александра II, то есть «кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. После всего, происшедшего в течение последнего десятилетия, она являлась совершенно неизбежной». Народовольцы угрожали государю, что их движение будет расти и террор продолжится, если политика правительства не изменится. Так как общее количество недовольных в стране постоянно увеличивается; доверие к правительству в народе все более падает, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности будет все прочнее развиваться в стране. «Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка».

Необходимость кровавой борьбы называлась в рассматриваемом письме «печальной» и объяснялась тем, что в России не существует настоящего правительства. «Правительство по своему принципу должно только выражать народные стремления, только осуществлять народную волю, — подчеркивал Исполком „Народной воли“. — Между тем у нас — извините за выражение — правительство выродилось в чистую камарилью и заслуживает названия узурпаторской

¹ Конверт с указанным письмом был опущен в почтовый ящик, находившийся у здания Городской думы на Невском проспекте.

² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Сборник документов и материалов в двух томах. Том 2 / Под ред. С. С. Волка. М.-Л.: 1965. С. 170.

шайки гораздо более, чем исполнительный комитет. Каковы бы ни были намерения государя, но действия правительства не имеют ничего общего с народной пользой и стремлениями. Императорское правительство подчинило народ крепостному праву, отдало массы во власть дворянству; в настоящее время оно открыто создает самый вредный класс спекулянтов и барышников. Все реформы его приводят лишь к тому, что народ впадает в большее рабство, все более эксплуатируется. Оно довело Россию до того, что в настоящее время народные массы находятся в состоянии полной нищеты и разорения, не свободны от самого обидного надзора даже у своего домашнего очага, не властны даже в своих мирских общественных делах. Покровительством закона и правительства пользуется только хищник, эксплуататор, самые возмутительные грабежи остаются без наказания. Но зато какая страшная судьба ждет человека, искренно помышляющего об общей пользе. Вы знаете хорошо, ваше величество, что не одних социалистов ссылают и преследуют. Что же такое — правительство, охраняющее подобный «порядок»? Неужели это не шайка, неужели не проявление полной узурпации?»¹

В письме обращалось внимание Александра III на то, что его правительство «не имеет никакого нравственного влияния, никакой опоры в народе», поэтому растет число революционеров и даже такой факт, как цареубийство, вызывает у огромной части населения радость и сочувствие. При этом отмечалось, что «из такого положения может быть два выхода: или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя отворотить никакими казнями, или — добровольное обращение верховной власти к народу».

Исполком «Народной воли» советовал его величеству, в интересах родной страны, во избежание напрасной гибели сил, во избежание тех самых страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, избрать второй путь и обещал, что сам прекратит свою деятельность и «организованные вокруг него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работе на благо родного народа».

При этом Исполком заявлял Александру III, что для прекращения актов вынужденного насилия со стороны народовольцев его величеству необходимо выполнить два условия, которые не придуманы революционерами, но созданы историей, а именно: 1) даровать общую амнистию по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга,

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. С. 171–172.

и 2) созвать «представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями».

Сформулировав эти условия, народовольцы сочли необходимым напомнить государю, что «легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, если выборы будут произведены совершенно свободно». В связи с этим они требовали, чтобы выборы проходили по следующим правилам:

«1) Депутаты посылаются от всех классов и сословий безразлично и пропорционально числу жителей; 2) никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть; 3) избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры, впредь до решения народного собрания, допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходок, г) полную свободу избирательных программ»¹.

Выраженное в приведенном письме требование созыва представителей народа было повторением в слегка измененном виде одного из основных положений программы Исполнительного комитета «Народной воли», принятой осенью 1879 года. Народовольцы обещали в этой программе добиваться, чтобы в России было создано постоянное народное представительство, «имеющее полную власть во всех общегосударственных вопросах»².

Любопытно, что на следующий день после того, как Исполком «Народной воли» направил в адрес Александра III это письмо, К. П. Победоносцев обратился к государю с посланием, выразившим предельную тревогу за судьбу его величества. «С каждым днем все более убеждаюсь в основательности того, что писал Вам 6 марта, и вновь горячо прошу вникнуть в тогдашние слова мои, — взывал Константин Петрович к императору. — Именно в эти дни нет предосторожности излишней для Вас. Ради Бога примите во внимание нижеследующее:

1. Когда собираетесь ко сну, извольте запирать за собою двери — не только в спальне, но и во всех следующих комнатах, вплоть до выход-

¹ Революционное народничество 70-х годов XIX века. С. 173–174.

² Помимо этого народовольцы выражали в своей программе стремление создать «широкое областное самоуправление, обеспеченное выборностью всех должностей, самостоятельностью мира и экономической независимостью народа», передать всю землю, фабрики и заводы народу, добиваться полной свободы совести, слова, печати, сходок, ассоциаций и избирательной агитации, а также всеобщего избирательного права, без сословных и имущественных ограничений.

ной. Доверенный человек должен внимательно смотреть за замками и наблюдать, чтобы внутренние задвижки у створчатых дверей были задвинуты.

2. Непременно наблюдать каждый вечер, перед сном, целы ли проводники звонков. Их легко можно подрезать.

3. Наблюдать каждый вечер, осматривая под мебелью, все ли в порядке.

4. Один из ваших адъютантов должен бы был ночевать вблизи от вас, в этих же комнатах.

5. Все ли надежны люди, состоящие при Вашем величестве? Если бы кто-нибудь был хоть немного сомнителен, можно найти предлог удалить его.

Дней через десять, через пятнадцать многое может разъясниться; но до тех пор, ради Бога, будьте осторожны на каждую минуту.

Бог да хранит Вас со всем Вашим домом. Много простых душ за Вас молятся»¹.

В письме от 6 марта 1881 года К. П. Победоносцев советовал Александру III объявить Санкт-Петербург на военном положении. «Это — проклятое место, — уверял он государя. — Вашему Величеству следует тотчас после погребения (Александра II. — В. Т.) выехать отсюда в чистое место, — хотя бы в Москву, — и то лучше, а это место бросить покуда, пока его еще очистят решительно. Пусть здесь остается новое ваше правительство, которое тоже надобно чистить сверху донизу»².

Совет К. П. Победоносцева государю покинуть на время свою столицу возымел действие. 28 марта Александр III переехал вместе с семьей из Петербурга в Гатчину. Данный шаг императора явно свидетельствовал о том, что его величество вполне серьезно воспринял предостережения обер-прокурора Святейшего Синода.

3 апреля 1881 года посол России в Берлине П. А. Сабуров передал Александру III срочной депешей высказывание канцлера Отто фон Бисмарка о том, что русской власти «необходимо принять строгие меры против нигилистов, — меры, которые бы упрочили порядок и дисциплину; что прежде чем думать о расширении реформ прежнего царствования, надо, чтобы абсолютная власть восстановила свой престиж и чтобы повсюду чувствовалось ее присутствие»³. Прочитав данное послание, российский император начертал на его полях: «Дайте

¹ Письма Победоносцева к Александру III. Т. 1. С. 318–319.

² Там же. С. 317.

³ Красный архив. 1927. № 3 (22). С. 250.

прочсть это письмо гр. Лорис-Меликову. Это до того верно и справедливо, что дай Бог, чтобы всякий русский, а в особенности министры наши, поняли наше положение, как его понимает князь Бисмарк, и не задавались бы несбыточными фантазиями и паршивым либерализмом»¹.

В тот день, когда Александр III получил депешу из Берлина с приведенными словами Бисмарка, состоялась казнь террористов, покушавшихся на Александра II. Новый император показал, что будет решительно карать тех, кто посягнет на русскую государственность.

§ 4. Доклад М. Т. Лорис-Меликова о правительственной программе государственных реформ. Совещание 21 апреля 1881 года

12 апреля 1881 года М. Т. Лорис-Меликов представил Александру III доклад о правительственной программе государственных реформ. В нем излагались меры, которые правительство должно было, по мнению министра внутренних дел, осуществить в ближайшем будущем. Граф предлагал, в частности:

- объединить полицию на местах, сосредоточив ее в руках губернатора, подчинив ему отдельные жандармские управления;
- преобразовать местную администрацию, уменьшив количество присутственных мест и должностных лиц;
- преобразовать университеты, дав им «устройство, удовлетворяющее интересам ученой и учебной деятельности, но обеспечивающее также и интересы общественного порядка»;
- «безотлагательно и окончательно решить вопрос о положении печати», определив законом ее статус, обеспечив гласность и возможность спокойного обсуждения общественных вопросов; прекратить «безнаказанное возбуждение страстей и глумление над личностями, практикуемое с корыстной целью некоторыми органами печати»;
- пересмотреть некоторые части земского и городского положений с целью установления более равномерного между различными классами населения распределения представительства в земских и городских учреждениях и обеспечения правильного порядка производства выборов; «оживить и расширить деятельность общественных

¹ Цит. по: Дневник В. Н. Ламздорфа (1886–1890) / Под редакцией и с предисловием Ф. А. Ротштейна. М., 1926. С. 111.

учреждений в разрешении местных хозяйственных дел и точно определить отношение общественных учреждений к администрации»;

— пересмотреть крестьянские положения, «преобразовать возбуждающее постоянные нарекания общественное крестьянское управление»;

— принять меры к устранению хозяйственного расстройств крестьян;

— «организовать восстановление истощенных продовольственных запасов и вообще систему народного продовольствия, дабы избежать повторения нынешних громадных затрат на него из государственного казначейства»;

— преобразовать податную и паспортную системы, отменив подушную подать и организовав взамен нее «новые налоги на всесословных и более справедливых основаниях».

Обязательными условиями для выполнения правительством указанных задач М. Т. Лорис-Меликов назвал:

— «единство правительства и программы внутренней политики»,

— «привлечение общественных представителей к предварительной разработке и выполнению реформ».

Поясняя необходимость участия общества в обсуждении законопроектов, министр внутренних дел обращал внимание государя на то, что реформы прежнего царствования — крестьянская, земская, городская — вызвали в стране стремление к общественной деятельности, которое просит удовлетворения. При этом он заверял императора Александра III в том, что участие общественных представителей в подготовительных законодательных работах «не только не составляет ограничения самодержавной власти, от которой всецело зависит утвердить, изменить и вовсе отвергнуть проект, но даже, в сущности, не составит ничего нового, а только правильно организует то, что уже на деле существует. Проектирующая законы центральная бюрократия и теперь находится под давлением общественного мнения. Нередко законопроекты составляются под влиянием проектов частных лиц, газетных толков, журнальных статей, отдельных постановлений одного, двух земских собраний; но это общественное мнение отрывочное, случайное, подделанное журналами. Вызванный им закон оказывается нередко непрактичным или односторонним, возбуждает критику, ходатайства других земств, и его приходится изменить вскоре после его издания. Правильное же призвание общественных представителей даст возможность власти до утверждения закона наперед узнать действительное общественное мнение и избавит ее от

необходимости последующих изменений, а общество оградит от законодательных сюрпризов и, удовлетворяя его стремлению к общественному служению, возбудит в нем чувство солидарности с правительством и нравственной ответственности за издаваемые законы»¹.

Выдвигая в качестве условия проведения реформ единство правительства, М. Т. Лорис-Меликов ставил государя перед весьма сложной дилеммой. Обсуждение проекта о привлечении общественных представителей к законосовещательной деятельности на заседании Совета министров 8 марта 1881 года показало, что среди министров отсутствовало согласие по этому важному вопросу. В таких условиях добиться единства правительства можно было лишь удалением из него одной из групп министров. Поскольку в поддержку указанного проекта выступило явное большинство членов правительства, причем это были сановники, которые занимали ключевые государственные должности, отказ императора от плана Лорис-Меликова означал отставку министра внутренних дел и его сторонников, а следовательно, почти полную смену правительства. Михаил Тариелович, хотя и надеялся, что в первые месяцы своего правления Александр III не пойдет на столь решительный шаг, в разговорах с близкими себе по убеждениям людьми он не скрывал, что предчувствует неблагоприятный для себя поворот событий².

Между тем император, согласившись с Лорис-Меликовым, что для эффективной работы правительства среди министров должно быть единство относительно программы внутренней политики, не спешил объявлять о своем отношении к разработанному Михаилом Тариеловичем плану реформ.

21 апреля 1881 года в гатчинской резиденции Александра III состоялось совещание по докладу, представленному министром внутренних дел его величеству 12 апреля. Император не пригласил на него некоторых сановников, участвовавших прежде в подобных совещаниях, а именно: председателя Комитета министров П. А. Валуева, министра юстиции Д. Н. Набокова и главноуправляющего Вторым отделением Собственной Его Императорского Величества канцеля-

¹ Доклад М. Т. Лорис-Меликова Александру III о правительственной программе будущих реформ // Былое. 1918. № 4–5. С. 183–184.

² После разговора с Михаилом Тариеловичем, состоявшимся 20 апреля 1881 г., Д. А. Милютин записал в свой дневник: «Граф Лорис-Меликов очень разочарован; не предвидит ничего хорошего» (Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881. С. 310).

рии князя С. Н. Урусова. Все они выступали в поддержку реформы, предлагавшейся М. Т. Лорис-Меликовым. И мотив, которым руководствовался государь, был вполне понятен. Однако Победоносцев не согласился с императором. Накануне совещания он обратился к его величеству с письмом, в котором признал, что ряд сановников, например, Посьет, Сольский, «по специальности вверенных им управлений, могут оставаться в стороне от общего совещания». Но при этом обер-прокурор Святейшего Синода, сам приглашенный на совещание в Гатчину, счел необходимым заметить, что отсутствие на нем министра юстиции будет принято «за выражение высочайшего недоверия и неудовольствия» и что «в таком положении министру нельзя и оставаться в своей должности». «Смею думать, — продолжал Константин Петрович, — что исключение министра юстиции из совещания, в коем нельзя не коснуться судебных вопросов, будет поистине ударом и для него, и для всего министерства. Доколе Набоков остается министром юстиции и будет продолжать ездить с докладами к Вашему Величеству, — нравственное положение его, при таком исключении из общего совещания, станет невыносимо, и, что всего важнее, авторитет его власти относительно подчиненных *будет разрушен*, что должно отразиться вредом на действии целого ведомства, столь существенно важного в общем государственном механизме. Я знаю, в таком же смущении по поводу сего распоряжения находится и граф Лорис-Меликов, но он не решается беспокоить Ваше Величество новым представлением. Простите, что я решаюсь, *ради достоинства власти и ради общего блага*, умолять Ваше Величество: прикажите пригласить к совещанию и Набокова, на что телеграф дает полную возможность. Не ради Набокова я забочусь об этом, но ради самого дела»¹. Результатом этого письма стало приглашение министра юстиции Александром III на гатчинское совещание.

Открывая его, государь сказал, что желает выслушать мнения министров о том, какие меры следует принять теперь же и какую программу для дальнейших действий. Первым свое мнение высказал М. Т. Лорис-Меликов. Он повторил выраженную им в докладе от 12 апреля мысль о необходимости дальнейшего развития и довершения начатых в прошлое царствование реформ. После министра внутренних дел выступил военный министр Д. А. Милютин. Он «подтвердил соображения графа Лорис-Меликова и развил их, указав

¹ Письмо К. П. Победоносцева Александру III от 20 апреля 1881 года // Письма Победоносцева к Александру III. М., 1925. Том 1. С. 326–327.

притом, что в последние 14 лет застоя и реакции все строгости полицейские не только не подавили крамолу, но напротив того, создали массу недовольных, среди которых злонамеренные люди набирают своих новобранцев»¹.

Воодушевленный речью Милютина министр финансов А. А. Абаза категорично заявил в своем выступлении, что действительная сила правительства выражается не «в кулаках», не в полицейском произволе, а в единстве и сплоченности министерства, в твердости плана его действий, в доверии государя к ближайшим советникам и государственным органам. При этом Александр Агеевич упрекнул Победоносцева «за вредное закулисное влияние»². Выступавший за ним новый министр народного просвещения барон А. И. Николаи проявил себя осмотрительным человеком: он не выразил какого-либо отношения к проекту Лорис-Меликова, сказав лишь, что необходимо действовать систематически, без увлечений и произвола. Министр юстиции Д. Н. Набоков поддержал мнение о необходимости продолжения реформ и рассказал о предстоявших улучшениях по судебной части.

Затем слово взял К. П. Победоносцев. К удивлению присутствовавших, Константин Петрович не стал критиковать доклад Лорис-Меликова, но сообщил, что вполне разделяет мнения о необходимости дальнейших улучшений в государственном строе. Большую часть его речи составили рассуждения о правде, честности и ответственности. Они не оставили равнодушными Лорис-Меликова и Абазу: министр внутренних дел и министр финансов с раздражением заговорили о бесполезности отвлеченных теоретических афоризмов и призвали к достижению соглашения между министрами на практической почве.

В конце совещания великий князь Владимир Александрович зачитал подготовленную им записку с предложением об учреждении центральной следственной комиссии по всем делам о государственных преступлениях. Лорис-Меликов выступил против этой идеи, заявив, что подготовил специальный доклад со своими предложениями о дальнейшем ведении следствия по таким делам.

Закрывая совещание, государь выразил желание, чтобы министры собирались по мере надобности для предварительных обсуждений

¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1879–1881. С. 311–312.

² Там же. С. 313.

вопросов, составляющих важный государственный интерес, дабы тем самым достигнуть требуемого единства в действиях. На первый же раз его величество предложил министрам рассмотреть те меры, которые признаны неотложными при настоящих обстоятельствах и «для окончательного обсуждения которых будет назначено вторичное совещание в высочайшем присутствии»¹.

Сторонники проекта Лорис-Меликова покинули данное совещание в приподнятом настроении: им показалось, что молодой император стал склоняться к мысли если не принять, то более внимательно отнестись к предложениям о продолжении государственных реформ.

П. А. Валуев не присутствовал на совещании в гатчинской резиденции Александра III, состоявшемся 21 апреля 1881 года². Подробности его председатель Комитета министров узнал от министра финансов. 24 апреля Петр Александрович записал в свой дневник: «По словам Абазы в Гатчине происходило следующее. Речь шла о том, что сильное правительство должно быть единодушным, и, следовательно, нужно нечто в роде „кабинета“; нужно, чтобы министры прямо докладывали государю только по предметам своего специального ведения, а по всем общим вопросам предварительно между собою совещались и соглашались, а в случае несогласия испрашивали Высочайшего указания. Далее нужно, чтобы министры, по своим убеждениям не согласные с внесенными мероприятиями, уходили, — а в случае неухода, — были увольняемы. Одним словом, говорил мне Абаза, „*tout a été fortement souligné et résultat a dépassé l'attente*“³. Между прочим, Абаза прямо говорил о невозможности писать и ссылаться на какие-нибудь газеты каким-нибудь министрам за спиной своих товарищей, — прямое указание на Победоносцева и „Московские Ведомости“. Вообще, Абаза понимает результат в смысле победы над Победоносцевым. Государь, по словам Абазы, *d'un air grave, mais calme*⁴, подался на все это, но сказал, что „не нужно особого председателя“, что „они“ должны собираться у „кого-нибудь“,

¹ Дневник генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютин. 1879–1881. С. 314.

² По свидетельству Д. А. Милютин, министр внутренних дел хотел, чтобы председатель Комитета министров присутствовал на совещании в Гатчине 21 апреля, но «государь положительно отказал Лорис-Меликову пригласить Валуева и князя Урусова» (там же. С. 309).

³ Дословно: «все было сильно подчеркнуто, и результат превзошел все ожидания».

⁴ Дословно: «духа серьезного, но спокойного».

и что их „совещания“ должны происходить помимо обычных дел Комитета министров»¹.

Иную картину совещания, которое проходило 21 апреля 1881 года в Гатчине, рисовал К. П. Победоносцев. В письме к Е. Ф. Тютчевой Константин Петрович сообщал о заседании следующее: «Приехали, вошли, сели в кружок около государя. Он обратился ко всем с краткою речью и стал вызывать на объяснения, по очереди. Пошли речи, состоявшие из фраз, в коих сквозила все та же двусмысленная нота. Говорили о необходимости единства, о необходимости, чтобы министры пользовались полным доверием государя. Лорис² говорил, сколько предстоит впереди организаций по разным частям, и между прочим произнес такую нелепую фразу, что и христианство-де совершенствуется, тем более государственные учреждения должны совершенствоваться. Абаза произнес фразистую речь. Милютин до того заврался, что повторил прием передовых статей петербургских газет, т.е. заявил, якобы вся беда от того, что реформы покойного государя остановились на полдороге. К последнему обратились ко мне. Я заявил, что нельзя не согласиться, в общем смысле, со всем, что говорили остальные о единодушии, о доверии, о необходимости организовать многое дезорганизованное; но надо иметь в виду потребность настоящей минуты: все ждут и находятся в томительной неизвестности; ждут, чтобы правительство заявило решительно действиями, не оставляющими сомнения в том, чего оно хочет и чего никак не допустит. Потом я оговорил, в смысле недоразумения, и фразу Лориса, и фразу Милютина, выведя и то, и другое на чистую воду: начала христианства вечны, но осуществление их правдою в жизни безгранично, и в этом смысле реформа внутренняя никогда не останавливается... Тут же говорил великий князь Владимир в том смысле, что о конституции-де и думать и говорить нечего, что надобно, однако, делать что-нибудь, что все, по видимому, согласны в существенном, а разногласия происходят единственно от несущественных недоразумений...»³

Министры и обер-прокурор Святейшего Синода ехали на совещание в Гатчину все вместе, 9-часовым поездом. Возвращались также вместе. Победоносцев видел, как переменялось настроение сторонников Лорис-Меликова. «Они ехали туда в страхе: не прогонят ли их, — заметил он Е. Ф. Тютчевой, — вернулись в торжестве невообразимом

¹ *Валуев П. А. Дневник 1877–1884. Пг., 1919. С. 161–162.*

² То есть М. Т. Лорис-Меликов.

³ *Русский Архив. 1907. № 5. С. 98–99.*

и стали говорить, что одержали блестящую победу. Над кем это? Над мною или над государем?..»¹

Александр III в кратких речах в начале совещания и в конце его ничем не выдал своих истинных намерений относительно проекта Лорис-Меликова. Никак не проявил он своей позиции и в репликах на выступления министров. Эту сдержанность государя сторонники министра внутренних дел расценили в качестве признака того, что он пребывает в плену сомнений. Между тем все объяснялось проще: решение об этом было уже принято Александром III.

---

¹ Русский Архив. 1907. № 5. С. 99.